

ГЕНИЙ КАК СТИМУЛЯТОР ТВОРЧЕСТВА

Гений — высшая степень человеческой одаренности и человек — носитель этого качества. Гениальность не всегда осознается современниками гения, она нередко сказывается только в том влиянии, которое она оказывает на последующее творчество. Причина этого несвоевременного признания — в глубочайшей оригинальности творческого мышления, присущего гению, в разрыве с общепринятым, считающимся эталоном. Но иногда обаяние гения настолько велико, что и современники поддаются ему и награждают творца сами высокими эпитетами. При этом титул гений присваивается той личности, которая сумела наиболее полно выразить именно принятый и одобренный большинством стереотип.

Бывают и другие варианты взаимоотношения гения и современниками. Сначала — раннее и почти мгновенное признание, а потом, причем именно тогда, когда гений достигает высшей зрелости, разочарование большинства и крики об упадке таланта (“гений исписался”). Так было с Пушкиным, в последние годы жизни которого разговоры об упадке его гения исходили не только от Булгарина (что можно отчасти объяснить обывоченнейшей завистью), но и от молодого Белинского.

Отсюда и различные варианты воздействия гения на развитие культуры. Влияние творчества Пушкина вначале было почти немедленным — особенно после выхода в свет поэмы “Руслан и Людмила”. Оно проявлялось не только в области литературы, но и в музыке, живописи, балете. Так же восторженно был воспринят и “Кавказский пленник”, “Черная шаль” была тут же положена на музыку и распевалась в качестве “жесточкого романса”. Так было до выхода в свет “Полтавы”, которая вызвала некоторое недоумение, как и последние песни “Евгения Онегина”. Теперь-то нам ясно, что тогда произошло: просто Пушкин стремительно ушел вперед, создавая новые жанры, новый стиль, новое художественное мышление. Современники, даже очень одаренные, как П. Вяземский, отставали и не успевали понять, что происходит. Но и после осознания глубины и величия того, что создано Пушкиным в 30-е годы, влияние его творчества не стало прямым.

И напротив, раннее влияние “Руслана”, “Пленника”, “Бахчисарайского фонтана” сказывалось сразу.

Здесь также было два варианта. Один — эпигонство. Само по себе слово “эпигон” не означает ничего компрометирующего,

оно просто означает “последователь”. Но в культурном обиходе со времен еще эллинизма оно приобрело иной смысл — подражатель, повторитель. Это самый простой способ освоения, вернее усвоения, опыта гения. Таких подражателей было много и во времена молодости Пушкина, и значительно позднее. Естественно, что этот способ влияния мало продуктивен, но и он способствует повышению общего уровня культуры, в нашем случае — поэзии: возросла культура стиха, открытые Пушкиным темы получили распространение, созданные им жанры закрепились в литературе, были отчасти усвоены языковые открытия поэта. Но подражание почти неизбежно принимало и характер пародии, конечно; без намерений авторов, нарушалось идеальное пушкинское чувство меры, гармонии. Открытия становились шаблонами.

Главный путь влияния гения на культуру иной: это именно стимулирование творчества, по принципу “если он смог, то и я могу”. Разумеется, чаще всего это иллюзия: созданное гением оригинально и неповторимо. Но все-таки его открытия подсказывают возможность новых открытий и достижений, хотя достижения в областях художественного или научного творчества не только неповторимы (они не нуждаются в повторении), они должны быть оригинальны. Иное называется “плагиатом”. И все же превышение прежних возможностей гением вдохновляет других. Даже старшие современники Пушкина — Жуковский, Вяземский — стали писать немного иначе, чем до Пушкина. Молодые поэты — Кюхельбекер, Рылеев, Бестужев, Кольцов, не говоря уже о Лермонтове, — многому научившись у Пушкина, пошли своим путем. Даже лицейский друг и верный товарищ Дельвиг не стал подражателем, эпигоном, а избрал свой, пусть не магистральный для русской поэзии путь. Но ощущение ошеломляющей новизны пушкинской поэзии, поэтической смелости, доходящей до дерзости, нового поэтического пространства испытывали все они, как и многие последующие русские поэты, ни в коей мере не пытавшиеся подражать творчеству Пушкина. Таков и Тютчев — поэт, открытый Пушкиным (первая крупная публикация стихов была в “Современнике”), но совершенно оригинальный. Лермонтов вначале подражал старшему поэту, но повзрослев, нашел свой путь, такой же неповторимый, как у Пушкина или Тютчева. Тогда стали подражать уже им.

Эпигоны остаются только в истории литературы, получая несколько строк в учебниках и словарях. Но и они небесполезны: их произведения создают почву, это во-первых, а во-вторых — они указывают, куда идти не следует, где весь урожай уже собран и пастбища вытоптаны.

Итак, главный способ влияния гения на культурное творчество во всех областях деятельности — это снятие пределов, открытие новых возможностей творческой личности, пробуждение жажды собственного творчества. В истории русской художественной культуры можно отметить такое влияние Ломоносова и Пушкина: начало их деятельности стало стимулом для многих, для целой плеяды русских поэтов, вызвало две волны подъема поэтического творчества, определивших развитие русской литературы соответственно в XVIII и XIX веках.

Сила и длительность влияния, сказывающегося именно в стимуляции творчества, и есть главное мерило гениальности.

Р. Л. Лившиц
Комсомольск-на-Амуре

ЦЕННОСТНАЯ АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ТВОРЧЕСТВА

Противопоставление творчества и рутинной деятельности стало в современном философском сознании трюизмом. Творчество как деятельность, в которой человек выступает в качестве существа, преобразующего окружающий мир в соответствии со своей волей и желанием (а не подчиняясь, подобно животному, внешней необходимости) привычно ассоциируется с позитивным полюсом ценностей. Воспроизведение готовых образцов (именно это составляет сущность рутины) — столь же привычно вызывает негативные ассоциации. С этим связано определенное понимание целей и задач образования и воспитания. Главной задачей современной системы образования и воспитания почитается формирование творческой личности.

Реалии современности заставляют по-новому взглянуть на проблему формирования творческой личности, во всяком случае, по-новому расставить акценты в понимании этой проблемы.

Разумеется, мы не собираемся оспаривать тот факт, что все достижения современной цивилизации — результат творчества. Не будь творчества, не было бы и человека. Однако творчество — не только созидательная, но и разрушительная сила. Человек умеет строить, но он же умеет и изобретательно уничтожать построенное. Человек способен к высоким взлетам духа, но он же может подвергнуть их циничному, не лишнего остроумия, осмеянию.

Необходимо со всей определенностью признать, что способность к творчеству неморальна. Она неотделима от самого